

Б. ПАСТЕРНАК

Письма А. А. Ахматовой

< 1 >

17 апреля 1926, Москва

Дорогая, дорогая Анна Андреевна!

Как Вас благодарить, что не забыли Вашего слова в ответ на мое восклицанье, вырвавшееся так безотчетно и так ведь верно! Еще труднее описать чувство радости при получении этой удивительной карточки с удивительной Ахматовской надписью, совершенной в ее кажущейся случайности, как и все у Вас. Вы, может быть, забыли? Там сказано: «от этого садового украшения»!

Но, Анна Андреевна, зачем Вы так небрежете здоровьем? Горнунг передает, будто Вы опять хвораете. А я-то на радостях написал Цветаевой (знаете, в тот вечер, что мы о ней говорили, она читала Вас в Лондоне), — про сказочную перемену, которую нашел в Вас, и эта радость успела там распространиться. Если бы я не верил в доброту всякого глаза, устремленного на Вас, я бы из предосторожности перестал заикаться о Вашем здоровье. При таком же убеждении мне хочется просить Вас положенья этого не колебать. От всего сердца желаю Вам скорейшей поправки.

Анна Андреевна, у меня к Вам просьба, которую я испещрю оговорками только ввиду Вашей высокой, поразительной и редкой разборчивости в вещах практических. Однако, думается, ей в данном случае не может быть места. Речь идет о получении причитающегося Вам гонорара за перепечатку Ваших стихов в «Антологии русской поэзии XX в.», выпущенной изд-вом «Новая Москва». Составители и книгоиздательство, собирая кни-

гу, и не подозревали, что им когда-нибудь об авторах напомнят. Сделали это, в отно<шении> себя самих, Герасимов и Кириллов. Суд приговорил издательство к выплате истцам гонорара по 50 коп. за строчку. Местком писателей (полноправный Союз), на основании соответствующих отдельных заявлений, предъявляет издательству аналогичный иск от лица всех, как говорится в таких случаях,— потерпевших. И вот, драгоценная и неповторимая пострадавшая, одного насморка которой не стоит вся антология со всем издательством в придачу, настойчиво прошу Вас о следующем. Пришлите Ю. Н. Верховскому или мне собственноручное заявление в Моск. местком писателей при Союзе Рабпроса — о доправке с издательства «Новая Москва» причитающегося Вам гонорара за перепечатку ваших стихов в «Антологии) р<усской> поэзии XX в.», выпущенной издательством. Пришлите также Юрию Никандровичу или мне доверенность на получение денег, которые изд. обязано будет выплатить по принуждению суда, но, вероятно, не раньше осени. Вам придется, если не ошибаюсь, около 200 руб. (немн. больше или меньше, не помню). В доверенные я Вам навязываю двух лиц на выбор с тем, чтобы сузить наблюденье за Вашими дальнейшими шагами до полной обозримости. А то нельзя быть уверенным, что Вы что-нибудь предпримете.

Простите, что неприличнейшим образом исписываю листок со всех сторон. Не знаю, куда девалась почтовая бумага. Хочется верить, что Вам уже лучше. После вашего пребывания в Москве началось для меня удивительное время. Было несколько радостных сообщений из-за границы. Потянуло к работе. И вдруг разыгралась нестерпимая невралгическая боль в челюсти и в левом виске. Пришлось все бросить.

Адрес Ю. Н. Верховского. Остоженка, Коробейников (б. 1-й Ушаковский) п. д. 12, кв. 4.

Привет Н. Н. Пунину. Мой адрес: Волхонка, 14, кв. 9.

Еще раз горячо благодарю Вас за все.

Преданный Вам *Б. Пастернак*.

< 2 >

6 апреля 1929, Москва

Дорогая Анна Андреевна!

Недели три тому назад я Вам отправил письмо по Вашему старому, а легко, может быть, и по ложному адресу. Я в нем

испрашивал Вашей санкции на печатанье стихотворенья, к Вам обращенного. Оно было приложено. Своей оплошностью я поставил себя в положение неуяснимой неизвестности. Но все же мне казалось, что Вы бы мне отказали на словах (в случае, если письмо дошло), а не в такой молчаливой, обрекающей на догадки форме. Вероятно, так оно и есть, и я очень рад пропаже письма, потому что я им поторопился и стихи послал с первой записи.

Я третий месяц очень усидчиво работаю над большой повестью, которую пишу с верой в удачу. Я недавно болел, но не прерывал работы. Мне очень хорошо. Далекий от мысли, что я это осуществляю, я вновь, как бывало, умилен до крайности всем тем, что человеку дано прочувствовать и продумать. Мне некуда девать это умиление, повесть потеряла бы в плотности, если бы я все это излил на нее одну. Мне приходится исподволь писать стихи. Их теперь, в моем возрасте, я понимаю как долговую расплату с несколькими людьми, наиболее мне дорогими, потому что, конечно, именно они — истинные адресаты, к которым должно быть обращено это умиление. Я хочу написать стихотворенье Марине, Вам, Мейерхольдам, Жене и Ломоносовой, нашей заграничной приятельнице. Вам и Мейерхольдам они написаны, и, когда будут сделаны остальные (повесть задерживает), мне бы хотелось их напечатать.

Если я пока не заслужил Вашей искренности, то заслужу еще ее. И потому будьте, пожалуйста, со мной откровенны. Если прилагаемое стихотворенье чем-нибудь неприятно Вам (помимо того, что оно недостаточно сильно), напишите мне о том, пожалуйста, со всем прямым сердцем. Пусть неудачно, но свое виденье Вас и свое чувство я в нем выразил, и этого достаточно, чтобы, на мой взгляд, оно годилось для печати, и в этом случае, по понятным причинам, даже в нее *просилось*. Но я обязан считаться и с Вами.

Ответьте, пожалуйста, и напишите несколько слов о себе. Ответьте хотя бы открыткой.

Всей душою преданный Вам *Б. П.*

< 3 >

10 апреля 1929, Москва

Дорогая Анна Андреевна!

Горячо благодарю Вас за ответ и очень обеспокоен концом телеграммы. Если это возможно, я просил бы кого-нибудь из

Ваших близких или друзей, Вас навещающих, сообщить мне, что с Вами и как Ваше самочувствие.

Не надо прибавлять, с какой признательностью я приму такое извещение. Я просто бы, миновав Вас, запросил Лукницкого но, к сожалению, затерял его адрес. А Вы, Анна Андреевна, пожалуйста, простите меня, что в такое время я Вас беспокоил подобной ерундой, — ведь это произошло без моего ведома, и не по моей воле все вышло так нехорошо и глупо. Всей душой, как только можно, желаю Вам поскорее оправиться. Я и сам болел недавно, и по упорству и естественности, с какой, точно у себя дома и как постоянная жилища, обосновалась болезнь, еще недели две назад не видел, отчего бы и зачем ей кончиться и смениться здоровьем.

Пишу в вере, что моя просьба к Вашим друзьям застанет вас в состоянии, когда это кажется уже более вообразимым. Всего лучшего. Еще и еще раз большое спасибо. Но об этом лучше не распространяться. Мне страшно стыдно. Я все знаю. Правда и то, что невозможно трудно сказать что-либо, хоть отдаленно Вас достойное. Или не только Вас. Но когда мы говорим о природе или о третьем лице, или о себе, — мы не спрашиваем и не слышим ответа. И все сходит с рук. А Ваша телеграмма, как старшая, смотрит на стихотворенье, и в ней больше содержания, живого и противоречивого, чем в последнем.

Ваш *Б. П.*

Жена шлет Вам сердечный привет и тоже желает скорейшего и полнейшего выздоровленья.

< 4 >

Н. Н. ПУНИНУ И А. А. АХМАТОВОЙ

19 октября 1932, Москва

Дорогой Николай Николаевич, сердечно благодарю Вас за успокоительное известие и Анну Андреевну за особенно драгоценную в ее состоянии приписку.

Звонил в день приезда Чулкову, он обещал тотчас же обратиться по делам Анны Андреевны в Наркомпрос и Оргкомитет, но этим не ограничился, как Вы уже, наверное, об этом знаете по результатам одной оказии в Ленинград, которой он для этого воспользовался.

Так же горячо ко всему отнесся и Борис, пообещав намылить голову Гронскому, главе Оргкомитета. Он собирается к Вам в конце месяца, перед этим я его увижу.

Набравшись храбрости, хочу просить лично Вас, Николай Николаевич, чтобы в этих делах Вы не ограничивали допуска нас, посторонних, одними теми минутами, когда Анна Андреевна находится в опасности, что в отношении общества было бы как-то страшно и нечеловечно. Поправка и отдых Анны Андреевны потребуют еще больших забот, нежели болезнь, и сколько найдется людей, для которых сознание, что они хоть чем-нибудь могут быть ей полезны, составит счастье.

Не забудьте позвонить Спасскому (Сергею Дмитриевичу), 4-76-99. У них какие-то замечательные связи во врачебно-больничном мире, что для установленья более твердого диагноза перед операцией может очень пригодиться, а может быть, и для производства самой операции, если ее не избежать. И вообще, во всем, вплоть до направленья мыслей и симпатий, Спасские меня легко заменяют и охотно заменят.

На вокзале собирался рассказать Вам, но забыл, — что в Москву приехал из Англии Святополк-Мирский, был у меня и очень кланялся Анне Андреевне. Он был у меня перед самым моим отъездом, и я толком еще даже и не познакомился с ним. Упущенье это восполню на днях, когда увижусь наново и как бы сначала. Тогда помешало состоянье квартиры. Вещи не были еще расставлены, оконные рамы были частью без стекол, частью с остатками расколотых, и — (был дождливый день) с потолка текло. Это меня страшно стесняло при встрече, т. е. я не стыдился его, а все это отвлекало вниманье. Но за четыре дня моего отсутствия Зинаида Николаевна произвела настоящие чудеса, и теперь жить и принимать друзей можно сосредоточенно и не рассеиваясь.

Дорогая Анна Андреевна, целую Вашу руку и крепко жму Вашу, Николай Николаевич. Еще раз большое спасибо за доверье и скорое известие. Выздоровливайте!

Преданный вам *Б. Пастернак*.

< 5 >

28 июля 1940, *Переделкино*

Дорогая Анна Андреевна!

Давно мысленно пишу Вам это письмо, давно поздравляю Вас с Вашим великим торжеством, о котором говорят кругом вот уже второй месяц.

У меня нет Вашей книги. Я брал ее на прочтение у Федина и не мог исчертить восклицательными знаками, но отметки вынесены у меня отдельно, и я перенесу их в свой экземпляр, когда достану книгу.

Когда она вышла, я лежал в больнице (у меня было воспаление спинного нерва), и я пропустил сенсацию, сопровождавшую ее появление. Но и туда дошли слухи об очередях, растянувшихся за нею на две улицы, и о баснословных обстоятельствах ее распространенья. На днях у меня был Андрей Платонов, рассказавший, что драки за распроданное издание продолжаются и цена на подержанный экземпляр дошла до полутора ста рублей.

Неудивительно, что, едва показавшись, Вы опять победили. Поразительно, что в период тупого оспаривания всего на свете Ваша победа так полна и неопровержима.

Ваше имя опять Ахматова в том самом смысле, в каком оно само составляло лучшую часть зарисованного Вами Петербурга. Оно с прежнею силой напоминает мне то время, когда я не смел бы поверить, что буду когда-нибудь знать Вас и иметь честь и счастье писать Вам. Нынешним летом оно снова значит все то, что значило тогда, да, кроме того, еще и что-то новое и чрезвычайно большое, что я наблюдал последнее время в отдельности, но чего еще ни разу не видал в соединении с первым.

Это — соперничающее значение Вашего нового авторства в «Иве» и новейших вставках. Ваша нынешняя манера, еще слишком своезаконная и властная, чтобы казаться продолженьем или видоизменением первой. Можно говорить о явлении нового художника, неожиданно поднявшегося в Вас рядом с Вами прежнею, так останавливает этот перевес абсолютного реализма над импрессионистической стихией, обращенной к впечатлительности, и совершенная независимость мысли от ритмического влиянья.

Способность Ваших первых книг воскрешать время, когда они выходили, еще усилилась. Снова убеждаешься, что, кроме Блока, *таким* красноречием частных не владел никто, в отношении же Пушкинских начал Вы вообще единственное имя. Наверное, я, Северянин и Маяковский обязаны Вам безмерно большим, чем принято думать, и эта задолженность глубже любого нашего признанья, потому что она безотчетна. Как все это врезалось в воображенье, повторялось и вызывало подражанья! Какие примеры изощренной живописности и мгновенной меткости!

Замечательно, что когда рядом с ними натыкаешься на вещи более широкого действия и иной, дополнительной силы, они теперь кажутся позднейшими вставками, и присутствие Вашего нынешнего искусства начинаешь подозревать там, где его нет, как, например, на стр. 199 и 203 (наряду со стихотворением на стр. 198, которое Вы читали у Фединых).

Выбор Ваш так совершенен, что предпочтению уже нечего делать и подчеркивать приходится почти все подряд. Особенно изобилуют такими гнездами сплошных драгоценностей стихи из «Четок». Вот эти ряды: стр. 222, 223, 224, 225, 226, 227; 232, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 243. Именно к таким «гнездам» может относиться весь будущий мир «Поверх барьеров», атмосфера его зароженья, т. е. все то, чего я лишь вскользь коснулся тут в словах о нашей задолженности, о магическом действии Вашей живописной силы и пр., и пр. Вот еще звездные скопления: 249, 253, 256; 264, 265, 266, 267, 269, 271 и др.

Чтобы Вы знали, с кем, в отношении вкуса, Вы здесь имеете дело, скажу, что бегло, с налету и первого взгляда, вершинами, в разных отношениях, показались мне: стр. 50, 69, 145, 174, 194, 198, и несущественно, какую роль тут играла знакомость одних и знаменитость других страниц.

Но я начинаю заговариваться, и Вам должно стать скучно. Позвольте, я прерву письмо, а то я боюсь, что никогда не отошлю его. Узнав, что я пишу Вам, Вам просили кланяться Софья Андреевна, Нина Александровна Табидзе, Константин Александрович Федин и Зина. Знаете ли Вы, что выпустили жену Бориса, Киру Георгиевну? Когда будете в Москве, непременно приезжайте к нам в Переделкино! Тут суший рай. После упоминанья о больнице необходимо сказать, что я давно себя так замечательно не чувствовал, как этим летом.

Если бы Вы почтили меня открыткой, сообщите, пожалуйста, как Ваши дела и здоровье? С Вами ли уже Лев Николаевич? Нина Т. приехала сюда хлопотать за мужа.

Я думал, Вам будет приятно узнать, каким радостным событием была для меня Ваша книга, написать Вам об этом было моей живейшей потребностью, но я сделал это так неудачно, что письмо Вам ничего не даст.

Вы должны догадываться, источником какой гордости являются для меня оба Ваши незаслуженных подарка, стихотворенье и эпитафия. Относительно последнего я не верил, несмотря на Ваши слова, пока не увидел. Тон Перцова возмутил нас всех, но тут думают (между прочим, Толстой), что кто-нибудь из настоящих писателей должен написать о Вас в журнале, а

не в газете. Ну до свиданья. Целую Вашу руку. Еще раз горячее спасибо Вам от нас всех за это воплощенное чудо.

Ваш *Б. Пастернак.*

< 6 >

1 ноября 1940, Переделкино

Дорогая, дорогая Анна Андреевна!

Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы хоть немного развеселить Вас и заинтересовать существованием в этом снова надвинувшемся мраке, тень которого с дрожью чувствую ежедневно и на себе. Как Вам напомнить с достаточностью, что жить и хотеть жить (не по какому-нибудь еще, а только по-Вашему) Ваш долг перед живущими, потому что представления о жизни легко разрушаются и редко кем поддерживаются, а Вы их главный создатель.

Дорогой друг и недостижимый пример, все это я Вам должен был бы сказать тем серым днем августа, когда мы последний раз видались и Вы мне напомнили, как категорически Вы мне дороги. А между тем я пренебрегал возможностями встречи с Вами, уезжал на целые дни в Москву, для встречи поезда для учащихся, шедшего вне графика и не по расписанию из Крыма, с Зиной и ее больным сыном, которого надо было устроить в больницу и даже *день* приезда которого был неизвестен. В скобках, для удовлетворенья естественного интереса, все обошлось благополучно, и мальчик, проболев с месяц, теперь выздоровел.

Я не читаю газет, как Вы знаете. И вот, последнее время, когда я спрашиваю, что на свете нового, я узнаю одну вещь радостную и одну грустную: англичане держатся, обижают Ахматову. О если бы между этими новостями, мне одинаково близкими, мог существовать обмен веществ и сладость одной могла ослабить горечь другой!

Я говорил Вам, Анна Андреевна, что мой отец и сестры с семьями в Оксфорде, и Вы представите себе мое состояние, когда в ответ на телеграфный запрос я больше месяца не получал от них ответа. «Я мысленно похоронил их в том виде, какой может подсказать воображенью воздушный бомбардировщик, и вдруг узнал, что они живы и здоровы.

Также и Нина Т<абидзе> уехала в Тифлис без малейшей надежды узнать когда-нибудь что-нибудь о муже, а мне намекали даже, что нет уверенности, чтобы он был в живых, а теперь она написала мне, что он содержится в Москве, и это установлено.

Простите, что я так грубо и как маленький привожу Вам примеры из домашней жизни в пользу того, что никогда не надо расставаться с надеждой, все это, как истинная христианка, Вы должны знать, однако, знаете ли Вы, в какой цене *Ваша надежда* и как Вы должны беречь ее?

«Смирив души неукротимый ропот» и т. д. — в общей сложности 4 строки у меня записаны, но Вы не договорили тогда, — нас позвали к Фадееву. Книжку Вашу мне подарили в Гослитиздате. Если бы Вам пришла фантазия сделать мне надпись, пошлите мне ее в счастливую и легкую минуту, — я ее вклею. Однако Вы можете тут же забыть о сказанном, я Вас не буду теснить ожиданием.

Два Ваших почитателя, муж и жена, просили меня переслать Вам письмо, я сообщил им Ваш адрес и отослал письмо обратно. В нем не было ничего дурного, но оно слишком лазурно и безоблачно для пересылки. Зная Вас и Вашу нынешнюю грусть и хмурость, я не вправе поддерживать то нереальное представление о поэте, которым дышит их обращение, немного вневременное и внепространственное.

Это бедные люди, каких очень много, что именно в похвалу им, а не во осуждение, он сын ветеринарного врача, пробовал сам писать, его попытки свободны от той блестящей безвкусицы удачливости, которая так часто и быстро выводит на широкую дорогу, но недостаткам не хватает гения, чтобы стать достоинствами, и, таким образом, шероховатое его тяжелодумье остается при нем в качестве глубоко колоритной черты, просящейся под перо какого-нибудь нового Достоевского или Писемского. Это скромные и очень достойные люди, но зачем я на их счет так расписался?

Не считайте неуважением к себе, что я без всякого страха пишу Вам таким слогом, с такими помарками и такой вздор.

От всего сердца желаю Вам здоровья. Ваш Б. П.

